

Татьяна Ларина

Татьяна Ларина — любимая героиня Пушкина, самый известный женский образ русской литературы.

Знакомя читателя с Татьяной Дмитриевной, автор прежде всего спешит подчеркнуть, что «впервые именем таким» освящены страницы русского романа. Это значит, что героиня связана с миром провинциальной русской жизни, с девичьей, с «воспоминаньем старины» теснее, чем с миром русской словесности. Теснее, но не исключительнее. Во-первых, у этого имени есть узнаваемая литературная «рифма» (на что указывает и эпитафия к 5-й главе, и сон Татьяны) — героиня баллады В. Жуковского «Светлана». Во-вторых, фамилия Татьяны Лариной, кажущаяся «обыденной», «провинциальной», также вполне литературна, производна от образа Лар, домашних божеств, столь часто поминаемых в русской поэзии начала XIX века. В-третьих, несмотря на многочисленные игровые намеки автора, у Татьяны Лариной нет и не могло быть настоящего прототипа; безуспешные попытки «назначить» на эту почетную роль возлюбленную Пушкина А.Керн, Н. Фонвизину, других женщин были предприняты «задним числом». Просто литературную биографию Татьяны Лариной пытались применить к обстоятельствам действительной жизни пушкинских современниц — со всеми вытекающими последствиями.

Татьяна Ларина появляется перед читателем во 2-й главе, когда уже произошло знакомство с Онегиным и Ленским, почти одновременно приехавшими на жительство в деревню; когда в действие введена ее младшая сестра Ольга — и ясно, что у Ленского с Ольгой роман. Расстановка сил определена, а сюжетные линии прочерчены или хотя бы намечены. Ленский «занят», Онегин «свободен»; Татьяна Ларина обречена в него влюбиться. В 3-й главе она пишет и посылает Евгению письмо с объяснением в любви; то есть берет инициативу на себя — нарушая все поведенческие нормы эпохи, зато соблюдая правила романного поведения. Так могла бы поступить героиня какой-нибудь из французских книг, которыми Татьяна Ларина зачитывается.

Естественно, Онегин ведет себя как благородный светский человек (не как «романический герой»); в 4-й главе он ласково объясняет Татьяне Лариной, что готов любить ее «любовью брата», но не рожден для супружества (то есть «романный» поворот событий даже не обсуждается!); затем, в 6-й главе, убивает Ленского на дуэли — и спешно уезжает. Сюжетная линия Татьяны Лариной проходит через первую кульминацию и движется дальше.

Ольга выходит замуж на улана; оставшись в полном одиночестве, «без друга и сестры», Татьяна посещает деревенский кабинет Онегина, всматривается в обстановку, следит за онегинскими пометами на полях модных книг, чтобы понять его внутренний мир; и вдруг — находит простое и страшное объяснение: «Уж не пародия ли он». В этот момент позиции автора и героини окончательно сближаются.

Зимой Татьяну везут в Москву на «ярмарку невест»; здесь на нее обращает внимание «какой-то важный генерал», — и читатель расстается с «милой Таней» до 8-й главы, чтобы вместе с Онегиным встретить на светском рауте строгую светскую даму, прошедшую «школу чувств». 8-я глава в сжатом виде повторяет схему всего предшествующего сюжета; только Татьяна и Онегин меняются местами. Теперь он влюбляется в светскую красавицу, пишет ей письма, не получает ответа; неожиданно является на дом — и выслушивает ее проповедь, не лишённую некоторой «мстительности» («Тогда <...> / Я вам не нравилась <...> / Что ж ныне / Меня преследуете вы? / <...> Не потому ль, что в высшем свете / Теперь являться я должна?»), но при этом исполненную тайной любви, достоинства и смирения перед жизненным долгом. Вторая кульминация служит окончательной

развязкой — сюжетной линии и романа в целом; и в этот миг высшего сюжетного напряжения автор «покидает» героев; роман о любви, счастье и страдании завершен.

Роль сюжетного антипода Онегину (лед и пламень; чрезмерная трезвость и чрезмерная восторженность) первоначальным замыслом Пушкина отведена была Ленскому; роль антипода психологического досталась Татьяне Лариной. Он — столичный денди, она — задумчивая деревенская барышня; он томится «душевной пустотой», ее отличают «плоды сердечной полноты»; он — умеренный читатель «модных книг», она — читательница по призванию (в детстве — тиха, задумчива, не любила кукол, не играла в горелки; в юности романы «ей заменяли все»); он — космополит, она связана с патриархальной русской традицией. В соответствии с этим строится ее образ — образ героини, равновеликой (а не просто сомасштабной — как Ленский) заглавному персонажу. Недаром лишь Татьяна и Онегин — если не считать самого автора — связаны одновременно и с подчеркнуто-вымышленными персонажами, и с реальными людьми той эпохи. Татьяна общается не только с окружающими помещиками, чьи традиционно литературные фамилии указывают на их условность, «придуманность» (Скотинины, Буянов — ср. героя поэмы В.Л. Пушкина «Опасный сосед» — и др.), но и, например, с князем П. Вяземским, и с московскими «архивными юношами», и, возможно, с И. Дмитриевым. Такая «двойная прописка» героини в условном и реально-историческом пространстве подчеркивает ее особый статус, «пограничность» ее образа между жизнью и литературой. И хотя Татьяна играет менее заметную роль в построении собственно фабулы романа, нежели Евгений (на него «замкнуты» все персонажи, все события романа; она же никак не связана с петербургским миром; почти не соприкасается с Ленским и др.) — главное не в этом. Психология в «Евгении Онегине» начинает теснить сюжетику, а психологический облик Татьяны Лариной прописан с особым тщанием.

Прежде всего, Татьяна Ларина героиня не только со своей собственной историей, но и с предысторией. Сама ее фамилия призвана напоминать об уюте, домашности, семейном преемстве, потому в роман включен подробный рассказ о ее родителях. (Тогда как о покойных родителях Ленского читатель не знает ничего; об отце Онегина — только то, что он хозяйствовал по старинке и «земли отдавал в залог».) Старшие Ларины — хлебо-сольные русские баре, обычные, простые и добрые. На масляной у них блины, на Троицу они «роняли слезки три»; два раза в год говели; когда пришел час, Дмитрий Ларин, бригадир (тень фонвизинской комедии «Бригадир» сама собою ложится на его образ), «умер в час перед обедом». Родители Татьяны — герои семейной пасторали, русские Филемон и Бавкида (лишенные, однако, мифологической глубины своих прообразов). Их жизнь предельно не похожа на ту, о какой мечтает утонченная Татьяна; и все-таки именно их жизнь сформировала ее русскую психологию. Русскую, несмотря на «европейское» чтение и французский язык — даже любовное письмо к Онегину написано по-французски. Очень важно, что судьба матери как бы предварила будущую судьбу самой Татьяны. Пусть в сниженном, обывательном виде, но — предварила. Рассказ о ее замужестве (родители выдали Ларину-старшую не за выбранного ею «Градисона», гвардии сержанта, но за Дмитрия) автор недаром завершает словами Шатобриана, которые отзовутся в реплике Татьяны во время последнего объяснения с Онегиным («Привычка свыше нам дана: / Замена счастию она» — «Но я другому отдана / И буду век ему верна»).

Затем, в первой части романа (главы 2–5), Татьяна предстает уездной барышней пушкинского поколения, поколения читательниц, поколения мечтательных девушек (ей семнадцать; значит, родилась она в одном году с Ленским, в 1803-м). Ее внутренний мир, ее представления о жизни в той же мере сформированы патриархальной традицией, в какой — сюжетами романов. Чуть старомодных, «добайроновских», по преимуществу французских, но также и переводных английских. В миг, когда Онегин появляется на ее жизненном горизонте, Татьяна ждет возвышенной любви, и готова влюбиться «в кого-нибудь», лишь бы он походил на романического героя.

Недаром она смотрит на Евгения сквозь литературную призму, поочередно примеряя на него разнообразные романские одежды и, соответственно, пытаясь «просчитать» дальнейшее развитие своего собственного сюжета, сюжета своей жизни. Если Онегин — это Вольмар (точнее, Сен-Пре), учитель и любовник Юлии, героини «Новой Элоизы» Руссо, ставший после ее замужества «просто» душевным другом, — значит, такой поворот судьбы может ждать и ее, Татьяну. Если он — Малек-Адель, романтический турок и враг христиан, умирающий на руках своей возлюбленной, христианки Матильды (роман Марии Коттень «Матильда, или Крестовые походы»), — стало быть, и ей не нужно загромождать от чего-то подобного. То же — и с другими литературными сравнениями, к которым прибегает Татьяна, «разгадывая» Евгения (де Линар из «Валери» Ю. Крюднер, Вечный Жид, Корсар из поэмы Дж. Г. Байрона, благородный разбойник Жан Сбогар из одноименного романа Ш. Нодье, задумчивый Вампир из псевдобайроновского романа ужасов и др.). То же и с литературными параллелями, которые она прибегает для себя самой (добродетельная Памела или Кларисса Гарлоу С. Ричардсона, Дельфина г-жи де Сталь). Все это — не просто «книжные ассоциации», но именно литературные гадания героини о своей судьбе; они, по существу, мало чем отличаются от народных гаданий о суженом, к которым Татьяна прибегнет в 5-й главе под «руководством» няни. Тем более что, затеяв это гадание, она уподобится еще одной героине — Светлане из одноименной баллады Жуковского; а сон, который в результате привидится ей, будет построен по законам балладного жанра, предельно серьезного и предельно несерьезного одновременно. (Гл. 5, строфы XI–XXI: страшный медведь переносит Татьяну через поток, невеста откуда взявшийся посреди снежной поляны; странный пир адских привидений в лесной избе; Евгений — предводитель шайки чудовищ; он предъявляет свои права на Татьяну; едва он «увлекает / Татьяну в угол и слагает / <...> на шаткую скамью» — входит Ольга, за нею Ленский; вспыхивает спор — «вдруг Евгений / Хватает длинный нож, и вмиг / Повержен Ленский», — сон снится, между прочим, задолго до дуэли.)

Знаменитый толковник снов Мартына Задеки не способен растолковать Татьяне тайный смысл привидевшегося ей; а разгадать Онегина, разгадать «тайну любви» ей не помогают ни романы, ни «мудрость веков». Татьяна неспроста заводит разговор о любви, свадьбе, семейной жизни со своей няней. Она хочет получить еще один «рецепт», еще один воображаемый сюжет возможного развития отношений с Онегиным. Тщетно — нянин опыт непригоден для романтической барышни: «Мы не слыхали про любовь», то есть про измену законному мужу и не думали; что же до семьи — то «так, видно, Бог велел». Другое дело, что в финале романа Татьяна встанет на ту же смиренно-печальную точку зрения, в которой неожиданно сходятся Шатобриан и неграмотная русская крестьянка. «Так, видно, Бог велел» — «...я другому отдана»; ср. подчеркнуто-безличную конструкцию Татьяниной формулы: «отдана». Только личное страдание, пережитое Татьяной после «отповеди» Евгения, смерти Владимира и замужества сестры, открывает ей глаза на Онегина; «читательский» опыт не отменен, но преобразован в новое качество.

Наконец, Татьяна — единственная в романе — «успевает» на протяжении сюжетного действия полностью перемениться — внешне, сохранив при этом все лучшие внутренние качества. В 8-й главе читатель (вместе с Онегиным) встречает не уездную «барышню», но блестящую столичную даму, «Неприступную богиню / Роскошной, царственной Невы». «Кто там, в малиновом берете / С послем испанским говорит?» Она «не холодна, не говорлива», «без подражательных затей», не прекрасна, но ничего не имеет от «vulgar», уже два года как замужем за князем (которого в постановках оперы Чайковского принято изображать стариком; на самом деле он просто старше юной Татьяны — послевоенная эпоха была временем относительно молодых генералов). Но при этом ее глубина не оскудела, она по-прежнему народна; просто все это приняло иные формы, соединилось со всем блеском дворянской культуры. Образ Татьяны Лариной резко усложняется, — в сравнении не только со статичными Ольгой и Ленским, но даже

и в сравнении с Евгением. Его характер и облик вплоть до 8-й главы неизменны (переменчиво лишь авторское к ним отношение); в финале автор дает герою шанс «очиститься» через душевное потрясение, но дальше намек на саму возможность преображения Онегина не идет. Единственный персонаж, кроме Татьяны, меняющийся и растущий на глазах у читателя — сам автор; это окончательно сближает его с Татьяной, мотивирует особенно теплую, лично заинтересованную в судьбе героини интонацию рассказа о ней.

Все неизрасходованные запасы авторской сердечности, сочувственной — при всей легкой насмешливости — интонации, которые по замыслу 1-й главы предназначались Онегину, в конце концов достаются именно Татьяне. Из «девочки милой», призванной оттенить Евгения, она шаг за шагом превращается в «милый идеал» автора; не в тот «модный идеал», о котором в ночь перед дуэлью пишет свои последние стихи Ленский, но в тот жизненный, национально-культурный и даже бытовой идеал, о котором сам автор полшутя рассуждает в «Отрывках из Путешествия Онегина»: «Мой идеал теперь хозяйка, / Да шей горшок да сам большой».

Это смещение центра сюжетной тяжести с Евгения Онегина, чьим именем назван роман, на Татьяну (что само по себе у Пушкина не ново — ср. «сдвиг» байронической поэмы по направлению к женскому образу в «Бахчисарайском фонтане») было замечено практически всеми читателями и критиками; история восприятия образа Татьяны Лариной в русской культуре необозрима; из критико-публицистических интерпретаций наибольший отклик вызвали две: Белинского (в полемике со славянофилами он определял Татьяну Ларину как «колоссальное исключение» в пошлом мире; как женщину, способную разорвать с предрассудками — и в этом превосходящую Онегина, который зависит от среды; финальный отказ Татьяны от любви в пользу патриархальной верности вызвал яростную отповедь критика), а также Достоевского, в чьей «Пушкинской речи» (1880) Татьяна Ларина предстала олицетворением русского соборно-православного духа, тем идеальным сочетанием нравственной силы и христианского смирения, который Россия может предложить всему миру.